

Религиоведение. 2023. № 1. С. 125–134.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 1. P. 125–134.

DOI: 10.22250/20728662_2023_1_125

**Маркова Н.М.¹, Аринин Е.И.², Бендин А.Ю.³,
Карасева С.Г.⁴, Петросян Д.И.⁵**

^{1,2,5} Владимирский государственный университет; ^{3,4} Белорусский государственный университет; ⁵ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

^{1,2,5} Россия, г. Владимир; ^{3,4} Беларусь, г. Минск;

¹ natmarkova@list.ru; ² eiarinin@mail.ru; ³ abendin@yandex.ru;

⁴ karassyova@mail.ru; ⁵ ilyich87@yandex.ru

Н.М. Маркова

Вернакулярное правоверие и религиозная идентичность: глобальное, локальное и глокальное (Беларусь и Россия)

Аннотация. Статья посвящена изучению ряда особенностей религиозности населения, рассматриваемых в терминах кросскультурного (Россия и Беларусь) подхода. Выделяется теоретический («базовый») и эмпирический («исторический», «социологический», «институциональный», «вернакулярный» и т.п.) уровни двух идеализированных типов религиозности, связанных с культурной памятью социума: «конфессионального» и «лично-гражданского». Авторами разделяются «язык респондентов» («язык первого порядка») и «язык экспертов» («язык второго порядка»), отличающиеся как наблюдение за реальностью и наблюдение за наблюдателями реальности. Эмпирическую базу исследования составили результаты пилотного анкетирования студенческой молодежи Беларуси и России, взятые в контексте ряда других проектов. Методологической основой интерпретации материалов стали подходы философского религиоведения, «коммуникативистской онтологии» Н. Лумана, социологии религии и перспективной концепции «вернакулярной религиозности», синтез которых позволяет рассматривать эмпирические факты через призму экспертной модели феномена религиозности в рамках «grounded theory» («самообосновывающейся теории») как аутопойезиса дистанцирующихся описаний фактов и их осмысления в спектре оценок от ревностной «религиозности» до ревностной «нерелигиозности» («атеистичности»).

Е.И. Аринин

Ключевые слова: молодёжь, Н. Луман, религия, конфессии, религиозный образ жизни, комплаенс, «вернакуляр», «мгновенная религиозность», «нерелигиозность»

А.Ю. Бендин

Natalia M. Markova¹, Evgeny I. Arinin², Alexander Y. Bendin³, Svetlana G. Karaseva⁴, Dmitry I. Petrosyan⁵

^{1,2,5} Vladimir State University; ^{3,4} Belarusian State University; ⁵ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

^{1,2,5} Vladimir, Russia; ^{3,4} Minsk, Belarus;

¹ natmarkova@list.ru; ² eiarinin@mail.ru; ³ abendin@yandex.ru;

⁴ karassyova@mail.ru; ⁵ ilyich87@yandex.ru

С.Г. Карасева

Vernacular Orthodoxy and Religious Identity: Global, Local, and Glocal (Belarus and Russia)

Abstract. The article studies a number of features of religiosity of the population, considered in terms of a cross-cultural (Russia and Belarus) approach. The theoretical (“basic”) and empirical (“historical”, “sociological”, “institutional”, “vernacular”, etc.) levels of two idealized types of religiosity associated with the cultural memory of society are distinguished: “confessional” and “personal-civil”. The authors separate the “language of respondents” (“language of the first order”) and “language of experts” (“language of the second order”), which differ as observation of reality and observation of observers of reality. The empirical basis of the study was the results of a pilot survey of student youth in Belarus and Russia in comparison with the materials of a number

Д.И. Петросян

of other projects. The methodological basis for interpreting the materials was the approaches of philosophical religious studies, N. Luhmann's "communicativist ontology", the sociology of religion and the promising concept of "vernacular religiosity". This synthesis allows us to consider empirical facts through the prism of an expert model of the phenomenon of religiosity within the framework of "grounded theory" ("self-justifying theory") as an autopoiesis of distancing descriptions of facts and their comprehension in the spectrum of assessments from zealous "religiosity" to zealous "non-religiousness" ("atheism").

Key words: youth, N. Luhmann, religion, institution of confession, religious way of life, compliance, "vernacular", "instant religiosity", "non-religiousness"

Введение

На уровне глобальных исследований феномена религиозности, проводимых, к примеру, центром Пью (Pew Research Center, далее – PRC), принято выделять три его ключевых аспекта, обозначаемых как «вера», «принадлежность» и «поведение», при этом отмечается наличие в мире и тех, кто сам относит себя к атеистам, агностикам или не причисляет себя к какой-либо религии [Куперман, Сайгал, др., 2017]. Наш текст рассматривает эти феномены в терминах философии религии, становящейся с XVIII века частью современного глобального религиоведческого академического проекта. В этой области знаний уже более 200 лет формируется профессиональный «язык экспертов» как «язык второго порядка» (далее – Я2), который стремится преодолеть односторонность и множественность «местных» («вернакулярных»), «конфессиональных», «частных») описаний, формирующихся на «языках первого порядка» респондентов (далее – Я1).

Многообразие таких описаний религии рассматривается соавторами в контексте концепции Н. Лумана, позволяющей «локальные» феномены рассматривать с «глобальных» позиций перспективной метатеории, дающих общую систему отсчёта их описания экспертами и респондентами, позволяя надеяться на достижение их комплаенса (соответствия определённым согласованным нормам), в том числе основанного на признании т.н. «глокальных» особенностей, применяемых для анализа религиозности в Беларуси и России, сопоставимыми с данными ряда других опросов.

1. Апории причастности к религии

За последние 200 лет исследователями многократно поднимался вопрос о том, насколько возможен анализ личной религиозности граждан как особого социального феномена «причастности к религии», когда, с одной стороны, религиозность признается предельно интимным переживанием причастности к «таинственной реальности», всегда присутствующей с областью «освоенного» в действительности, тогда как, с другой, она же всегда выражается как солидарная общность с тем, что со времён Цицерона признается именно «религией», дистанцируемой от маргинальных «суеверий» или, особенно в последние годы, «сект». Новые возможности на путях преодоления ряда массовых стереотипов, сохраняющихся в культурной памяти российского и белорусского населения, открываются в контексте анализа религиозной проблематики в свете перехода к особым экспертным Я2, где религия и религиозность выступают как экстралингвистические феномены, требующие для своего понимания их лингвистического маркирования в качестве особых форм глобальной культуры, описываемых философами, социологами и другими экспертами. В этом контексте одним из перспективных примеров данного уровня понимания многообразных представлений и практик, относимых к категории «религия», представляется концепция Н. Лумана, который определяет религию в предельно широком смысле как локальные формы глобального «надзора за неизвестным» [Луман, 2006, 64].

Повседневный опыт общения каждого индивида с окружающей действительностью очевидно свидетельствует о постоянной возможности «вторжения неизвестного», нарушающего многие нормы привычной жизни, как, к примеру, продолжающаяся пандемия COVID-19. Сегодня ребёнок, рождённый в российском Владивостоке или белорусском Минске, где работают соавторы данного текста, обладая универсальной способностью «надзирать за неизвестным», т.е. тем, что на Я2 религиоведения можно назвать «базовой религиозностью», окажется вовлечён в

семиотику солидарного понимания религии, начиная с локального «ближнего круга» семьи и друзей, заканчивая системами образования и правопорядка, формирующими и поддерживающими нормативные представления о должном, в том числе дистанцирующими «религию» от «суеверий» и/или «сект».

Для Я2 философского религиоведения важно отметить, что описание феноменов, именуемых «религией», восходит к Цицерону, который отделял «religio» (бесстрашное, искреннее и всем сердцем принимаемое почитание высшего порядка бытия), дающее «наслаждение для души», т.е. радость и ликование, от «superstitio», т.е. «суеверного почитания из страха», при этом именно первое как подлинное основание солидарности граждан должно поддерживаться, тогда как второе, ведущее к разобщению и перспективе гибели социума, должно искореняться [Цицерон, 1985, 267]. Важно принять рабочие определения терминов «религия» и «религиозность», различая:

1) «базовую религиозность» как очевидно значимое для личного и коллективного выживания «надзирание за неизвестным», спонтанно переживаемое индивидом «здесь и сейчас», фиксируясь им как «нечто необычное» и, соответственно, значимое для информирования «своих», что уже более 200 лет описывается на экспертном Я2 психологами, искусствоведами, литературоведами и т.п. специалистами;

2) «солидарную религиозность» (сообщества, институты, конфессии и т.п.), стремящуюся освоить «необычное» с помощью совместных практик «почитания» / «принуждения», которые описываются, с одной стороны, нормативными «традициями», «законами», «омологиями» и т.п. версиями их понимания «изнутри», т.е. данную в самоописаниях сообществ, и, с другой, версиями «извне», т.е. создаваемые «иноземцами», или, в последние 200 лет, с помощью Я2 социологии и истории религии, признающими важность конфессиональных самоопределений;

3) «дифференцированную религиозность» («частная религия», «вернакулярная религиозность»), описываемую как «истинную» или «ложную» с позиций дистанцирующихся субкультур, когда сложные и трагические конфликты групповых и индивидуальных самоопределений, к примеру, Сократа, одни в ходе суда могли обвинить в «безбожии», тогда как другие – признать позднее «христианином до Христа».

Россия и Беларусь утвердились как новые политические сообщества в их современных границах только в конце XX века после распада СССР, провозглашавшего себя «первым в мире атеистическим государством», где около 70 лет, т.е. на протяжении жизни трёх поколений сограждан, в качестве нормативной утверждалась идентичность с идеалом «беззаветного строителя коммунизма» понимаемого как «ревнителя атеизма». Последний призван был вытеснить 1000-летний идеал «строгой твёрдости в Вьре» и идентичности с «ревнителем православия», которые, в свою очередь, восходили к феномену латинской «religio» («почитание высшего порядка бытия» Цицерона) и платоновской «дилемме Евтифрона» (Εὐθύφρων, т.е. «правильно мыслящий»), ставящей проблему критериев подлинного «правомыслия» как должного отношения к богам («высшему порядку бытия»). Проблематика последнего восходит, в свою очередь, к дистанцированию, присутствующему уже в «кодексе Хаммурапи» (ок. 1700 гг. до н.э.), «божественной справедливости», включающей «помощь слабым», с одной стороны, как должного «правомыслия», от т.н. «чародейства», с другой, как беззаконного обмана, даже ложное обвинение в котором каралось смертью. Эти интуиции «правды сердца» и «правды закона» тысячелетия хранит культурная память человечества, воспроизводя целый ряд элементов многовековой истории. При описании этой проблематики мы будем использовать данные академического лингвистического ресурса «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ).

2. Религиозность в Беларуси

Современный конфессиональный ландшафт Беларуси определяется её географическим положением и политической историей [Аринин, Карасева, Петросян, 2021, 9–27]. Её территория, расположенная на пересечении путей между востоком и западом, севером и югом Евразии, последовательно входила в состав таких крупных

государственных образований, как Древнерусское государство (IX–XIII вв.), Великое Княжество Литовское (ВКЛ, XIII–XVI вв.), Речь Посполитая (XVI – к. XVIII вв.), Российская империя (к. XVIII в. – 1917 г.), Советский Союз (1922–1991 гг.). Религиозные традиции, доминировавшие в каждый из этих периодов, определили многообразие современного религиозного ландшафта страны.

Ранний период истории древнерусской народности на западе Руси восходит к восточнославянским племенам кривичей, дреговичей и радимичей (VI–IX вв.) [Санько, Климкович, 2006, 340]. С 988 г. на территории Древнерусского государства (IX–XIII вв.) утвердилась Православная церковь, находившаяся в юрисдикции Константинопольского патриарха. Церковь как институт содержала своё вероучение, каноны, систему христианских ценностей, определённый порядок постов и праздников. Церковь, обладая собственностью, управлялась иерархией, наделённой духовной властью над духовенством и паствой. Принятие институционального восточного христианства в Западной Руси проходило в течение XI в., когда широкие слои населения, прежде всего, крестьянского, приняв христианство, ещё долго сохраняли синкретическую народную религиозность, именуемую «двоеверием». Период Великого княжества Литовского (XIII–XVI вв., ВКЛ) отмечен крещением этнической Литвы, совершённым Римско-католической церковью, пришедшей из Польши. С 1385 г. польское католичество стало господствующим церковным институтом, так как католиками стали великие князья Литовские и большая часть правящей элиты. Западнорусская Православная церковь оказалась в положении терпимой [Батюшков, 1890, 1–47].

В результате решений Брестского собора 1596 г. большая часть Западнорусской церкви вышла из юрисдикции Константинополя и заключила унию с папским Престолом [Зноско, 1993, 122–136]. Среди западнорусского населения восточное православие стало превращаться в церковь меньшинства. В ВКЛ вместе с отдельными тюркскими группами из волжских степей и центральной Азии приходит ислам, вместе с еврейской диаспорой – иудаизм, а в период Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.) появляются протестантские общины и иммигрируют из центральных регионов России общины старообрядцев.

В период Российской империи (к. XVIII в. – 1917 г.) Униатская церковь была упразднена (1839), что привело к численному преобладанию западнорусского православного населения на территории современной Беларуси [Канфесіі, 1998, 64]. Во времена СССР (1922–1991 гг.) здесь утверждается государственный атеизм. Наконец, в 1990-е гг. страна, уже получившая независимость, переживает религиозное возрождение, связанное с распадом Советского Союза и его идеологической доктрины. В результате белорусский религиозный ландшафт восстанавливается близко к той конфессиональной карте, которая сложилась к началу XX в. [Новикова, 2013, 86].

В настоящее время Беларусь исторически и юридически является светской страной с поликонфессиональным религиозным полем. Доля населения страны, называющего себя в принципе религиозным, составляет порядка 70% от его общей численности. Из этой религиозной части порядка 80% (т.е. менее 60% от населения страны) идентифицируют себя с православием, порядка 15% (соответственно, порядка 10%) – с католицизмом, остальные 5% (соответственно, порядка 4%) относят себя к различным (нео)протестантским церквям и деноминациям, к иудаизму, исламу и к нескольким новым для Беларуси религиозным направлениям [Ценностный мир, 2013, 126–149]. Все конфессии существуют в общей культурной среде, при этом светская и религиозная (часто номинально) части белорусского общества пронизаны стихийной, – аморфной или эклектичной, – религиозностью в виде языческих суеверий и практик.

Большая часть населения Беларуси, отмечающего в опросах свою религиозность и конфессиональную принадлежность, по сути, имеет в виду лишь мировоззренческую и культурную идентичность. Поэтому в исследованиях религиозности важно фиксировать не только доли идентифицирующих себя с религией или конфессиями, но и качество идентификации – её характеристики и их выраженность, глубину. Так, в опросе религиозного населения Беларуси, проведённом в 2012–2016 гг. Центром религиоведческих исследований факультета философии и соци-

альных наук БГУ, заданы и выявлены степени вовлечённости, обозначенные (в порядке углубления) как *декларативная* (заявление о причастности к религии и/или конфессии), *абстрактная* (формальное признание ценности), *заинтересованная* (искреннее сочувствие, посильное следование) и *жертвенная* (всцелое служение), при этом доли последователей, соответствующие этим степеням, выражаются не в процентах, а в интегральных значениях, передаваемых через сочетание характеристик каждой из степеней. Установлено, что жертвенная степень вовлечённости представлена лишь в крайне незначительной доле последователей всех 19-ти конфессий, участвовавших в опросе. Преобладающую долю составляет абстрактная степень; значительно меньшую – заинтересованная. Такое распределение означает, что религия в белорусском обществе выполняет не столько свою прямую функцию смыслозадающей жизненной стратегии, сколько служит нормативной рамкой моральной регуляции, сакральной санкцией стандартов социально приемлемого (или даже предпочтительного) поведения [Карасёва, 2018].

3. Религиозность в России

Важной вехой переоценки Я2 советского социологического наследия описания религии, стало издание первого в российской науке «Энциклопедического словаря социологии религии», где феномен религии представлен в трёх перспективах и двух формах – институциональной и внеинституциональной, дистанцирующих «имманентное и трансцендентное», при этом отмечается наличие феноменов, «которые сложно без оговорок отнести к однозначной схеме религии как моста между имманентным и трансцендентным» [Энциклопедический словарь, 2017, 280–283].

В современной России, юридически выступающей «светским государством» (Конституция РФ, 1993), как показывают многочисленные социологические исследования, преобладает православие (около 70%), примерно 10% населения относят себя к мусульманам и ещё около 15% – к «нерелигиозным», при этом в целом социологи говорят о т.н. «проправославном консенсусе» в стране (Каарияйнен, Фурман, 1997). Эти данные учитываются политическими элитами, внимательными к электорату как в регионах, так и на федеральном уровне. На локальном уровне ВлГУ проводит анкетирование студентов, согласно которому респондентов, назвавших себя так или иначе «верующими» (т.е. собственно знающими, что они в момент анкетирования «верующие» и «скорее верующие, чем неверующие») оказывается 68,9% (соответственно 36,6 и 32,3%), «неверующими» и «скорее неверующими, чем верующими» – 19,1% (соответственно 10,2 и 8,9%), а так или иначе дистанцирующихся от самой этой альтернативы («только ищущих» и «слишком занятых») – 7% (3,0 и 4,0%), но при этом ещё 4,9% затруднились даже с таким ответом [Религия, 2020, 146–242].

Кириллическое слово «религия» входит в русский язык с начала XVIII века и Северной войны (1700–1721), особенно распространившись, согласно НКРЯ, после разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) и присоединения к Империи регионов, входящих в современную Беларусь. Здесь население непосредственно на местах переживало конфликты «Римской релѣи» и «старожитной релѣи греческой» (Апокрисис, 1597–1599), положив начало особому дистанцированию, когда «строгие ревнители» этих конфессий могли обвинять друг друга в «безбожии». Наряду с полемическим сосуществовал и веротерпимый дискурс, поскольку «князья по-прежнему продолжали вступать в брак с иноверными, поддерживать с ними союзы, а тёмная народная масса, со своей стороны, никогда не доходила до такого отчуждения, чтобы гнушаться всякого житейского общения с лицами иного исповедания» [Костромин, 2011, 21].

Именно в этом контексте фиксируются слова «православный» и «католический», которые, согласно данным НКРЯ, становятся заметными в текстах этого столетия (соответственно: 6 текстов из 1246 и 3 из 386). Последнее начинается с упоминания Петра Великого о том, что, когда «король швецкой овладел Мариенбургом, тогда ещё более в Полше власть свою зачал являть, а имянно: в том городе велел полицию учредить по швецкому маниру и лютерским пасторам велел в католических церквах казанья читать» (НКРЯ, А. М. Макаров. История Свейской войны, 1698–1721). С XIX века эти слова превращаются в кириллические «конфессионимы», т.е. особые лингвистические маркеры противостоящих вероисповеда-

ний как юридически автономных и дистанцируемых институтов (аутопойетических юрисдикций), при этом бывший императорский эксперт по «духовным и конфессионным делам» (1810–1824), А. И. Тургенев (1784–1845), выйдя в отставку, мог писать об известном французском поэте и публицисте Ламартине, что тот «конечно, не догматически православный католик (orthodoxe)» (НКРЯ, А.И. Тургенев. Хроника русского, 1825–1826). Тем самым слово «православный» для него ещё не противостояло понятию о «католическом», но использовалось в широком значении «ортодоксальный» (правоверный, законник, ревнитель своей веры). Последнего слова нет в словаре В. Даля, оно тогда воспринималось как «иностранный», включаясь в различные «словари иностранных слов», при этом вплоть до начала XX века трактуясь там как «православие».

Новое понимание «ортодоксии» («ортодоксальности», «ортодоксального», «ортодоксии» и «ортодоксов») как собирательно понимаемого «правоверия» любой конфессии, «в противоположность иноверию или ереси, строгое следование традиционному церковному учению», фиксируется с 1906 года, отделяя собирательное понятие «ортодоксия» от разделительного конфессионизма «православие» [Карманный словарь, 1906, 452]. С этого же периода фиксируется дальнейшее расширение денотатов на «правоверность не только в религии, но и во всяком учении или мнении, научном, политическом и др.» [Дубровский, 1914, 480–481]. К примеру, атеистка Л.И. Аксельрод стала подписываться литературным псевдонимом «Ортодокс», подчёркивая свою непоколебимость в качестве «защитника чистоты марксистской философии» [Боев, https://scepssis.net/library/id_395.html]. Такое понимание сохраняется и сегодня. В теоретическом плане, как отмечалось ещё Н.Н. Глубоковским, «вопрос о том, что такое православие, по своему существу не имеет догматически утверждённого ответа и по своей всеобъемлемости допускает многообразные освещения...» [Глубоковский, 1914, 3–22].

В СССР официальные описания религии как «примитивной идеологии» («мракобесия», «суеверий») сочеталось на бытовом уровне с присутствием тайных практик («Куриный бог», «Халява, ловись!», «гаданиями на блюде» и т.п.), сохранившихся, как отмечала Ю.Ю. Синелина, и в постсоветской России, при этом «наиболее суеверное поведение демонстрируют <...> “воцерковленные”», а наименее – «неверующие» [Синелина, 2005, 103]. В последние годы появилась возможность сравнения религиозности в России с другими странами, подобно исследованиям РРС, в связи с чем Е.В. Пруцкова справедливо заметила, что в глобальных исследованиях религиозности «недостаточно внимания уделяется вопросам сопоставления формулировок вопросов на разных языках, что влечёт за собой невозможность межкультурного сравнения на основании некоторых вопросов, поскольку они по-разному понимаются респондентами в разных странах» [Пруцкова, 2012, 285]. Далее мы представим одну из возможных перспектив такого сравнения.

4. Перспектива описания форм понимания религиозности в Беларуси, России и глобальном контексте

В культуре XXI века феномен религиозности рассматривается как «конфессиоцентрично», так и «персоноцентрично». В первом контексте, как в упомянутом выше исследовании РРС, это осуществляется через анализ соотношения трёх аспектов, выделяемых в конфессиональных сообществах (вера, принадлежность и поведение) представленных в Западной Европе, Восточной Европе и Азии как, соответственно, «вера без принадлежности» («заместительная религия» / «Vicarious Religion»), «вера и принадлежность без поведения» и «поведение без веры или принадлежности», при этом отмечается, что хотя «многие люди по всему миру так или иначе проявляют религиозность», но в мировом сообществе присутствует идентичность и с «нерелигиозностью» [Куперман, Сайгал, др., 2017].

Второй («персоноцентричный») контекст определяется ускользающим от строгой фиксации переживания «мгновенной религиозности» и того, что У. Джемс назвал «мгновенным обращением» («instantaneous conversion», William James, 1902) сограждан. В таком контексте важно расширить рабочие определения терминов «религия» и «религиозность» на уровень сравнения Беларуси и России с Германией и Японией, детальное изучение которых ещё впереди, но на данном этапе мы только

кратко отметим лексемы, специфические для каждого локального Я1 (**релігія, релігійнасць**, религия, религиозность, Religion, Religiosität, 宗教, 宗教性) и стоящие за ними общие денотаты, описываемые Я2 как «базовая религиозность» и «солидарная религиозность». Во всех этих странах существует культурная память о «надзирании за неизвестным» в институциональных и «вернакулярных» формах субкультур элит и «простого народа» как проявлений «личной религиозности» граждан, которые могли маркироваться как «безбожие» сообществом (суд над Сократом), «суеверие» (обвинения первых христиан как «superstitio Iudaica») или сами заявлять о собственной «нерелигиозности» (современные опросы PRC). Общей особенностью является и распространение с конца XIX века в мире не только «серьёзных» (конфессиональных), но и «развлекательных» проектов (образы «сказочного» и «волшебного») в литературе, кинематографе и мультипликации. Со второй половины XX века глобальным фактом становится опасность «религиозного экстремизма» различных индивидуальных и коллективных «акторов» («Jonestown», 1978; «Аум синрикё», 1995).

Особенностью Германии является то, что с эпохи Реформации и наполеоновских войн здесь стали разделяться сферы церковной и светской власти, при этом католики могли рассматриваться частью элит как опасная «конфессиональная фракция» («Kulturkampf» Бисмарка), а в XX веке большинство граждан непосредственно проявляют свою причастность к религии, фиксируя свою «религиозность» и «нерелигиозность», отчислением части подоходного налога (Kirchensteuer) в пользу сообществ («конфессий» как «корпораций»), последователи которых регистрируются в Финансовой службе (Finanzamt). Современное население Германии исповедует католичество (около 32 %) и лютеранство (около 32 %), а ещё около 31 % относят себя к «нерелигиозным» гражданам.

Такие налоговые практики могут вызывать медийные скандалы, как, к примеру, случай профессора Хартмута Цаппа (Hartmut Zapp). Он, выйдя на пенсию, объявил, что, считая себя «истовым католиком» и членом церкви как всемирного «сообщества верующих», отказывается отчислять налог местной «корпорации». После ряда судебных разбирательств Федеральный административный суд Германии утвердил решение «корпорации» (2012), что немецкие католики, не поддерживающие церковь финансово, не смогут исповедаться, причаститься, стать крёстными, их не будут отпевать и т.п. [Отлучение, <https://lenta.ru/articles/2012/09/21/kirchensteuer/>]. В таком социальном контексте, как показали исследования, формируется «конфессиоцентризм», сочетающийся с однозначной идентичностью с конкретной религиозной общиной, значительно отличающий немецкую молодёжь от российской [Религия и молодёжь, 2020, 146–242].

В Японии основными религиями считаются синтоизм (神道) и буддизм (仏教), при этом по данным государственного опроса религиозных объединений, в конце 2019 г. в стране жило 183 107 722 верующих [Агентство, https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu/index.html]. Это примерно в 1,5 раза больше, чем всё население Японии (примерно 126,5 миллиона человек). Среди них 48,5% принадлежат к синтоистским объединениям и 46,3% принадлежат к буддийским сообществам. В то же время, при личном опросе до 62% респондентов относят себя к категории нерелигиозного (или «арелигиозного») населения, тогда как до 36 % считают себя так или иначе «верующими». Японцы не считают однократное религиозное действие (посещение храма, участие в празднике, молитву и т.п.) знаком того, что он или она всецело принадлежит к тому или иному религиозному объединению. Общей особенностью синтоизма и буддизма является то, что в них не утверждалось, как в христианстве, эксклюзивное единство особого вероучения, специальной культовой практики и институции, считающих только себя «спасающими», хотя особое понимание спасения можно усмотреть и в них. Тем не менее, многие религии, в т.ч. синтоизм, не придают большого значения идее и практикам собственно «спасения», кроме того, в Японии в целом считается искусственной категоризация синтоизма и буддизма как отдельных религий, поскольку исторически они составляли одно неотъемлемое целое [Маркова, Карасева, Погодина, Такахаси, Аринин, 2020, 346–369].

Заключение

В целом, при массовых опросах населения в современных Беларуси и России можно выявить ряд сходных и специфических особенностей отношения к религии. Эмпирически (на уровне массовых опросов) население:

1) признает важность «религии» (отношения к «Богу», «сакральному», «неизвестному» и т.п.) в традиционных и привычных институциональных и персональных формах, сохраняющихся в культурной памяти как основание нравственных норм и фольклорных традиций («народного»), которые в массмедиа (кино и т.п.) синкретично сочетают модели «развлечения» (образы «волшебного») и «утешения» (образы «спасающего/преображающего»), дополненные в последние десятилетия негативными коннотациями с экстремизмом различных индивидуальных и коллективных «акторов»;

2) воспроизводит исторические формы дистанцирования «высшего» и «низшего», «достойного» и «вульгарного», которые для Беларуси и России имеют в основном «христороцентричные» и «конфессиоцентричные» коннотации, хотя христианство в ряде исторических конфликтов могло маркироваться как «иудейское суеверие» (Римская империя), «варварское учение» (Япония эпохи Эдо), «опасная конфессиональная фракция» («Kulturkampf» Бисмарка) или «религиозное суеверие» (СССР);

3) поддерживает в условиях норм современной свободы совести дистанцирование «верующих» («религиозных») и «неверующих» («нерелигиозных», «секулярных» и т.п.) сограждан, «подлинных» и «вульгарных» («суеверных») форм традиции, маркируя идентификации сограждан от «конфессиональных» («духовных») до «антиклерикальных» или «внеконфессиональных» («светских»).

На теоретическом уровне эксперты

1) отмечают многозначность термина «религия», считая (наряду с другими концепциями) его денотатом практики «надзирания за неизвестным»;

2) описывают коннотации этого денотата как исторически и социологически утверждаемые элитами противопоставления «религиозных» («нормативных») и «суеверных» («вульгарных») форм, где первые выступают как идеал целостного образа жизни в духовной традиции, тогда как вторые маркируются как феномены «мгновенной», «минимальной» или «отсутствующей» религиозности, порой с негативными коннотациями.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-511-00008 Бел_a

Acknowledgement

This article was prepared within the framework of the implementation of projects under grants RFFR 20-511-00008 Bel_a

Библиографический список

1. Агентство по культуре, исследованию религиозной статистики [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu/index.html (дата обращения 28.02.2021).
2. Аринин, Е.И. Религиозность в Беларуси и России: социологические подходы к анализу феноменов / Е.И. Аринин, С.Г. Карасева, Д.И. Петросян // Свеча-2021 Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности: сб. науч. докл. / Под ред. проф. Е. И. Аринина; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Аркаим, 2021. – Т. 37. – С. 9–27.
3. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П.Н. Батюшков. – СПб.: «Общественная польза», 1890. – С. 1–47.
4. Боев, А. Любовь Аксельрод: История неправославного ортодокса, А. Боев [Электронный ресурс]. – URL: https://scepsis.net/library/id_395.html (дата обращения 12.02.2021).
5. Глубоковский, Н.Н. Православие по его существу / Н.Н. Глубоковский // Христианское чтение. – 1914. – № 1. – С. 3–22.

6. Дубровский, Н.А. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней / Н.А. Дубровский. – Издание А.Д. Ступина, 1914. – С. 480–481.
7. Зноско, К. прот. Исторический очерк церковной унии / Прот. К. Зноско. – М.: «Мартис», 1993. – С. 122–136.
8. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / Под ред. В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; Навук. рэд. У.І. Навіцкі. Мінск, 1998. – 340 с.
9. Карасёва, С.Г. Типология религиозности в современной Беларуси / С.Г. Карасёва. – Минск: БГУ, 2018. – 219 с.
10. Карманний словарь иностранных слов / Составил Н.Я. Гавкинъ. – Киев: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Иогансонъ, 1906. – С. 452.
11. Качанова, Т.В. Анализ суевежных представлений студентов / Т.В. Качанова, Н.П. Радчикова // Материалы 3 м/н научно-практической конференции «Психология и современное общество: взаимодействие как путь взаиморазвития». – Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2008 г. – Часть 1. – С. 188–189.
12. Костромин, К., свц. Проблема атрибуции «Слова о вере крестьянской и о латыньской» / Свц. К. Костромин // Христианское чтение. – 2011. – № 1 (36). – С. 6–97.
13. Куперман, А. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе / А. Куперман, Н. Сайгал, А. Шиллер // Мировая динамика: цифры, факты, тенденции. Исследовательский центр Пью. 10 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата обращения 12.02.2021).
14. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман / Пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
15. Маркова, Н.М. Формирование юридических и социологических дифференциаций профессионального дискурса (локальный, глобальный и глокальный контекст в Беларуси, России и Японии) / Н.М. Маркова, С.Г. Карасева, И.В. Погодина, Такахаси Санами, Е.И. Аринин // Религии в России и мире: диалог, веротерпимость и конструирование идентичности : сб. науч. докл. / Под ред. проф. Е.И. Аринина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Аркаим, 2020. – Т. 36. – С. 346–369.
16. Новикова, Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект) / Л.Г. Новикова. – Минск: Издательство «БТН-информ», 2001. – 132 с.
17. Отлучение за неуплату [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2012/09/21/kirchensteuer/> (дата обращения 27.02.2021).
18. Пруцкова, Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях / Е.В. Пруцкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2. – С. 267–293.
19. Религия и молодёжь: проблемы «глокального» в международной коммуникации: коллективная монография / Под ред. Е. И. Аринина. – Владимир : Изд-во ВлГУ, Аркаим, 2020. – 264 с.
20. Санько, С. Белорусская мифология: Энциклопедический словарь / С. Санько, И. Климович. – Минск: Беларусь, 2006. – 592 с.
21. Синелина, Ю.Ю. Воцерковлённость и суевежное поведение жителей Ярославской области / Ю.Ю. Синелина // Социологические исследования. – 2005. – № 3 (251). – С. 96–107.
22. Ценностные ориентации Белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.) / Под ред. П.И. Бригадина, И.В. Левицкой. – Минск, 2010. – 207 с.
23. Ценностный мир современного человека: Беларусь и её соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2013. – 175 с.
24. Цицерон. Философские трактаты / Цицерон. – М.: Наука, 1985.
25. Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

Текст поступил в редакцию 09.11.2022.

Принят к печати 10.01.2022.

Опубликован 30.03.2023.

References

1. *Agentstvo po kulture, issledovaniyu religioznoi statistiki* [Agency for Culture, Research of Religious Statistics]. Available at: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu/index.html (accessed on February 28, 2021) (in Russian).
2. Arinin E.I., Karaseva S.G., Petrosyan D.I. *Svecha-2021. Religiya, nauka i teologiya: vizovi i problemi sovremenosti: sb. nauch. dokl* [Candle-2021 Religion, Science and Theology: challenges and Problems of Modernity: Collection of Scientific Papers]. Ed. E.I. Arinin; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovih. Vladimir: Arkaim, 2021, vol. 37, pp. 9–27 (in Russian).
3. Batyushkov P.N. *Belorussiya i Litva. Istoricheskie sudbi Severo-Zapadnogo kraja* [Belarus and Lithuania. Historical Destinies of the North-Western Region]. St. Petersburg: “Obsh’estvennaya polza” Publ., 1890, pp. 1–47 (in Russian).
4. Boev A. *Lyubov Akselrod: Istoriya nepravoslavnogo ortodoksa* [Lyubov Axelrod: The History of the Non-Orthodox Orthodox]. Available at: https://scepis.net/library/id_395.html (accessed on February 12, 2021) (in Russian).
5. *Cennostnie orientacii Belorusskogo studenchestva: sravnitel-nii sociologicheskii analiz (1998–2009 gg.)* [Value Orientations of Belarusian Students: Comparative Sociological Analysis (1998–2009)]. Eds. P.I. Brigadin, I.V. Levickaya. Minsk, 2010 (in Russian).
6. *Cennostnii mir sovremenogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnih proektah po izucheniyu cennostei* [The Value World of Modern Man: Belarus and Its Neighbors in International Projects for the Study of Values]. Eds. D.M. Bulinko, A.N. Danilov, D.G. Rotman [J.]. Minsk: BGU, 2013 (in Russian).
7. Cicero. *Filosofskie traktati* [Philosophical Treatises]. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian).
8. Dubrovskii N.A. Polnii tolkovii slovar vseh obsh’eupotrebitel-nih inostrannih slov, voshedshih v russkii yazik, s ukazaniem ih kor-nei. Izdanie A.D. Stupina, 1914. S.480-481
9. *Enciklopedicheskii slovar sociologii religii* [Encyclopedic Dictionary of the Sociology of Religion]. Ed. M.Yu. Smirnov. St. Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obsh’estvo, 2017 (in Russian).
10. Glubokovskii N.N. *Hristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 1914, no. 1, pp. 3–22 (in Russian).
11. Kachanova T.V., Radchikova N.P. *Materiali 3 m/n nauchno-prakticheskoi konferencii “Psihologiya i sovremennoe obsh’estvo: vzaimodeistvie kak put vzaimorazvitiya”, Sankt-Peterburg, 11–12 aprelya 2008 g. Chast 1* [Materials of the 3rd Scientific and Practical Conference “Psychology and Modern Society: Interaction as a Way of Mutual Development”. St. Petersburg, April 11–12, 2008. Part 1]. St. Petersburg, 2008, pp. 188–189 (in Russian).
12. *Kanfessii na Belarusi (k. XVIII–XX ct.)* [Confessions in Belarus (the end of the 18th – 20th centuries)]. Minsk, 1998 (in Belorussian).
13. Karaseva S.G. *Tipologiya religioznosti v sovremennoi Belarusi* [Typology of Religiosity in Modern Belarus]. Minsk: BGU, 2018, 219 p. (in Russian).
14. *Karmannii slovar inostrannih slov* [Pocket Dictionary of Foreign Words]. Comp. by N.Ya. Gavkin. Kiev: Yuzhno-russkoe knigoizdatelstvo F.A. Ioganson, 1906, p. 452 (in Russian).
15. Kostromin K., svsh’. *Hristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 2011, no. 1 (36), pp. 6–97 (in Russian).
16. Kuperman A., Saigal N., Shiller A. *Mirovaya dinamika: cifri, fakti, tendencii. Issledovatel’skii centr Pyu. 10 maya 2017 g.* [World Dynamics: Figures, Facts, Trends. Pew Research Center. May 10, 2017]. Available at: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (accessed on February 12, 2021) (in Russian).
17. Luhmann N. *Differenciatsiya* [Differentiation]. Transl. B. Skuratov. Moscow: Logos, 2006 (in Russian).
18. Markova N.M., Karaseva S.G., Pogodina I.V., Takahasi Sanami, Arinin E.I. *Religii v Rossii i mire: dialog, veroterpimost i konstruirovaniye identichno-sti: sb. nauch. dokl.* [Religions in Russia and the World: Dialogue, Toleration and the Construction of Identity: Collection of Scientific Documents]. Ed. E.I. Arinin; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovih. Vladimir: Arkaim, 2020, vol. 36, pp. 346–369 (in Russian).
19. Novikova L.G. *Religioznost v Belarusi na rubezhe vekov: tendencii i osobennosti proyavleniya (sociologicheskii aspekt)* [Religiosity in Belarus at the Turn of the Century: Trends and Features of Manifestation (Sociological Aspect)]. Minsk: Izdatelstvo “BTN-inform”, 2001 (in Russian).
20. *Otluchenie za neuplatu* [Excommunication for non-payment]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2012/09/21/kirchensteuer/> (accessed on February 27, 2021) (in Russian).
21. Pruckova E.V. Gosudarstvo, religiya, cerkov v Rossii i za rubezhnom [State, Religion, Church in Russia and Abroad]. 2012, no. 2, pp. 267–293 (in Russian).
22. *Religiya i molodezh: problemi “glokalnogo” v mezhdunarodnoi kommunikacii: kollektivnaya monografiya* [Religion and Youth: Problems of the “Glocal” in International Communication: A Collective Monograph]. Ed. E.I. Arinin. Vladimir: Izd-vo VIGU, Arkaim, 2020 (in Russian).
23. Sanko S., Klimkovich I. *Belorusskaya mifologiya: Enciklopedicheskii slovar* [Belarusian Mythology: An Encyclopedic Dictionary]. Minsk: Belarus, 2006 (in Russian).
24. Sinelina Yu.Yu. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2005, no. 3 (251), pp. 96–107 (in Russian).
25. Znosko K. prot. *Istoricheskii ocherk tserkovnoi unii* [Historical essay of the Church Union]. Moscow: “Martis” Publ., 1993, pp. 122–136 (in Russian).

Submitted for publication: November 09, 2022.

Accepted for publication: January 10, 2023.

Published: March 30, 2023.